

Олег Михайлов
КУТУЗОВ
Исторический роман
Том второй

КНИГА ВТОРАЯ
СЕЙ ИДОЛ СЕВЕРНЫХ ДРУЖИН
(окончание)

А между тем без лучших людей нельзя... Лучшие люди пойдут от народа и должны пойти. У нас более чем где-нибудь это должно организоваться. Правда, народ еще безмолвствует и называет кроме Алексея — человека Божия — Суворова, например, Кутузова...

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, Дневник писателя

ЧАСТЬ II

Глава вторая
СЛАВНАЯ РЕТИРАДА

1

В местечке Радзивиллов Кремснецкого уезда, близ австрийской границы, собиралась Подольская армия.

С объявлением о предстоящем походе, к общей радости, упразднены были пудра и коротенькие косы, от которых в памяти солдат остались только слова команды: «Равняйся в косу!» Еще раньше, с восшествием на престол Александра I, были отменены унтер-офицерские экспантоны, отброшены штиблеты и пукли. Зато все прочее осталось, как при покойном императоре. В том числе и проклятая капральская трость, от которой подолгу чесались солдатские спины.

Передовые части выступили 13 августа: первой колонной командовал генерал-майор князь Багратион, второй — генерал-лейтенант Эссен, третьей — генерал-лейтенант Дохтуров, четвертой — генерал-лейтенант Шепелев. Дивизия генерал-лейтенанта барона Мальтица, куда входил Ярославский мушкетерский полк, двинулась на четыре дня позже.

В долгом пути и на первых привалах, с самого перехода границы, между солдатами и младшими офицерами родилось большое любопытство: с кем воюем и куда идем? Разнесся слух, что произошла какая-то размолвка у царя с цесарем. Сергей Семенов только смеялся, а потом, у костерка, за сухарной да винной порцией сказал:

— Да разве у вас не стало глаз, ротозеи? Что, не видите, как цесарцы ухаживают за нами? Стало быть, какая уж тут размолвка! Вишь! Француз-то

задирает Русь. Какой-то там Бонапартия, словно Суворов, так и долбит кого попало. Да уж мы не дадим охулки на руку. Примем и его, молодца, как, бывало, басурман, по-суворовски!..

До городка Тешен войска шли обыкновенным маршем. С прибытием в армию Кутузова колонны начали двигаться ускоренными переходами, делая в сутки до шестидесяти верст. Порядок следования был положен с примерной точностью: на каждый фургон садилось по двенадцать человек в полном вооружении, и такое же количество солдат складывало туда ранцы и шинели. Через десять верст следовала перемена. Конница и артиллерия отставали от пехоты несколькими маршами.

Невзирая на поспешность движения, венский двор не переставал упрашивать Кутузова еще более ускорить марши. Но русский главнокомандующий не соглашался, справедливо опасаясь изнурить войско в наступившее ненастное осеннее время. Он делал дневки по усмотрению, соображаясь с усталостью людей.

Привалов теперь почти не было. По прибытии солдат на ночлег их тотчас расставляли по квартирам. Мещанин или бауэр уже ожидал у своей калитки и, пропустив мимо себя назначенное ему магистратом число постояльцев, захлопывал калитку на замок. В большой опрятной кухне уже хлопотала его баба, а на столе стояли кружки — по

числу едоков. Отличная пища, винная порция, даже кофий и мягкая чистая постель — все было к услугам русского воина.

Под шутки и прибаутки солдаты с грохотом составляли в сенцах тяжелые ружья с широкими штыками и, крестясь на раскрашенное деревянное распятие, шли садиться по лавкам. Чистота и аккуратность немцев в одежде и убранстве дома, тщательность в обработке земли, достаток в харчах удивляли всех.

— Ай, брудеры! Народ смышленный!.. — рядили солдаты, вытаскивая из-за голенища деревянные ложки.

Многое в самом деле было в диковинку. Не могли солдаты довольно надивиться тому, что у немцев воловья упряжь или, лучше сказать, ярмо утверждалось не на шее быка, а на его рогах. Когда им объяснили, что у рогатой скотины вся сила во лбу, многие рассуждали: «Хитер немец! Ведь понял же! Проник!» Обычай австрийцев ковать быков также обращал внимание солдат. Но, похваливая, как и все, немецкую замысловатость, Сергей Семенов возразил своим товарищам:

— Все так. Да что-то плохо они управляются с французом!..

Теперь уже все знали, что русской армии впервые предстоит встреча с самим Наполеоном. До солдатских ушей начали доходить слухи, будто

француз берет верх и австрияки идут на попятную. Не потому ли так любезны и предупредительны были хозяева на каждом ночлеге? Цесарцы страшились вторжения наполеоновской армии. Старик Мокеевич, не пожелавший уйти вчистую и оставшийся сверх срока в строю, согласился с Семеновым, пробасил:

— Да, Чижик! Не радуется дело с брудерами, коли на первых порах не устояли...

— Видно, придется нам на чужой земле француза угощать, — продолжал Семенов. — Ну что же, не посрадим русское имя. А теперь, ребята, поглядим, что положит брудер в наш родительский скоровар...

За эти дни он полюбил немецкий кофий, который солдаты, на польский манер, называли «кава». В простонародье он подавался обыкновенно с примесью картофеля и цикория, подслащивался же сахарной патокой. Хозяйка уже положила смесь в большой железный кувшин, залила водой и теперь кипятила на огне. Однако, когда она начала разливать кофий по кружкам, солдаты зароптали и потребовали суповые миски. Влив с гущей этот взвар и накрошив туда порядочно ситника, каждый принялся хлебать кофий ложкой, словно щи. Мокеевич примешал туда еще луку и все приправил солью. Многие последовали его примеру. Очень довольные этой похлебкой солдаты вскоре

попросили у изумленной австриячки подбавить им еще жижицы.

— У немца кофий, что у нас сбитень, — рассуждал между тем Мокеевич. — Немецкий солдат, вишь, без кофия жить не может. Я давеча подсмотрел, что, почитай, у каждого на походе с собой маленький кофейник...

— То-то что и есть — кофейники! — отозвался Семенов, которого раздражала такая их бабья о себе заботливость. — Похлебал бы нашей тюри, то получшал бы на живот...

— Зато обыкновенный чай, — басил Мокеевич, — они употребляют как лекарство. Его надо спрашивать в аптеках. А в лавках и не отыщешь.

— Да, все чудно на чужбине. А сколько же мы в пути? — подумал вслух Семенов.

— Месяц и восемь ден, дяденька, — с готовностью откликнулся рыжий, с осыпанным гречкой лицом новобранец Пашка.

— Значит, нынче двадцать пятое сентября? Никитин день? Никиты репореза и гусятника?

Старый гренадер Мокеевич молодецки подправил указательным пальцем седые свои усы и повел глазом на дородную хозяйку:

— Истинно говорят у нас в народе: «Не дремли, баба, на репорезов день! Ин дожدهшься гостя...»

— Да ведь она, дяденька, по-нашему ни хрена не понимает, — засмеялись молодые солдаты, в то время как рыжий Пашка так засмутился от шутки Мокеевича, что веснушки пропали на лице.

— Ничего, этот язык небось на всем свете един. — Семенов подмигнул хозяйке, которая скорее ради приличия, чем от стыдливости, прикрыла лицо фартуком. — Что, фрава, не надоел еще тебе немец-то твой? Русский во всяком деле жарче будет. А ваши-то мужики небось горазды только пиво дуть...

Семенов с товарищами вдоволь нагляделись на то, как австрияки в своих трактирах часами просиживали над гальбой — пол-литровой кружкой. Они рассуждали о Наполеоне, разводя пальцами по столу пивные капли, чтобы яснее обозначить его богатырские движения. Русские солдаты в нелегком и день ото дня все усложнявшемся пути по цесарской земле тоже гадали: где же может быть француз?

Но этого не знал никто. Даже умудренный опытом русский главнокомандующий.

2

Кутузов еще раз пробежал глазами текст рескрипта Александра I о ведении войны:

«...По вступлении вашем в австрийские владения вы поступаете под главную команду императора римского или эрцгерцога Карла или другого принца крови австрийского дома, кто назначен будет главнокомандующим над армиями, если его величество не будет сам оным командовать, а посему, если по стечению обстоятельств двор венский найдет предпочтительно полезным обратиться к Италии или к другому пункту границ своих, вы должны следовать в точности такому направлению...»

Да, главнокомандующий был связан по рукам и ногам, а сама русская армия становилась как бы заложницей венского кабинета! Снова, как при покойном государе Павле Петровиче, русским приходилось таскать каштаны из огня для цесарцев.

Стремление Вены вернуть утраченные вассальные владения заставило направить в Италию 180-тысячную армию под командованием наиболее одаренных военачальников — эрцгерцогов Карла и Иоанна. Кроме того, австрийцы решили, не дождавшись русских, занять находившуюся в союзе с Наполеоном Баварию. 46-тысячная армия перешла с этой целью пограничную реку Инн, проникла в глубь Баварии и расположилась у крепости Ульм. Главнокомандующим этой армией был назначен эрцгерцог Фердинанд, но в

действительности всем распоряжался приданный ему в руководители генерал Мак, обладавший громадной самоуверенностью, которая никак не соответствовала его скудным природным дарованиям.

Где же Бонапарте?..

По первоначальному плану, как мы помним, Наполеон собрал свою армию у Ла-Манша. Выступление России и Австрии спасло Англию: лишь только французский полководец узнал о появлении цесарцев в Баварии и движении армии Кутузова, как немедленно изменил свой план. Он решил совершить марш-бросок через половину Европы и разбить союзников по частям...

Хотя от Мака приходили самые успокоительные вести, Кутузов тревожился, лишь гадая, как могут развиваться события. Считалось, что Бонапарт все еще у берегов Ла-Манша, но так ли это? Между тем русские войска в долгом марше растянулись на много десятков верст. Впереди шли пять пехотных колонн, а за ними, обычным маршем, двигались кавалерия и артиллерия.

3

В тяжелом походе Кутузов, по примеру Суворова, оставался истинным отцом солдату.

В нем удивительно соединялись кротость, снисходительность, мужество, благоразумие и неколебимая предприимчивость. Никто не смел обидеть солдата его команды. Зато и команда его никого не обижала, опасаясь прогневать своего начальника. Всегда заботился он о том, чтобы воины, по возможности, не были голодны и пища была сколь можно лучшая; сам осматривал артели и едал вместе с рядовыми кашичу.

Порой он давал солдатам умышленную потачку, чтобы лучше знать качество каждого. Но зато явного преступления не оставлял без наказания. Если должен был за что-то сделать вычет из жалованья рядового, взыскивал деньги с капитана, которого, однако ж, не имел на дурном счету и даже не переменял о нем прежнего мнения. Терпящих крайнюю нужду снабжал нередко деньгами из собственного кошелька. И вообще никому не отказывал в том, что мог сделать, не нарушая правил службы.

Он особенно любил и выделял унтер-офицера Сергея Семенова. Иногда, пропуская колонны на марше, скакал на его голос, звонко выводивший:

*Что под дождичком трава,
То солдатска голова!
Ой, калина, ой, малина!
То солдатска голова, —*

*Весело цветет, не вянет,
Службу царску бойко тянет.
Ой, калина, ой, малина!
Службу царску бойко тянет.
Он ружье, патронник, ляжку —
Как ребенок любит мамку.
Ой, калина, ой, малина!
Как ребенок любит мамку!..*

Михаил Илларионович, случилось, специально разыскивал расположение Ярославского мушкетерского полка, спрашивая о том их шефа Леонтия Федоровича Мальтица, искал ярославцев в колоннах по лиловым верхушкам гренадерских шапок и лиловым же воротникам мундиров. Когда на редких дневках солдаты садились варить кашу, Кутузов подъезжал к первой гренадерской роте и осведомлялся:

— Братцы! Где Сергей Семенов?..

— Чижик! Чижика к его высокопревосходительству!.. — неслось от бивака к биваку.

У городка Линц Семенов пошел набирать дровец для костра и явился перед главнокомандующим не сразу.

— Виноват, ваше высокопревосходительство! — гаркнул он, сбросив

чуть не целую поленницу на землю. — Что прикажете?

— Ты, брат, забыл меня, старика, — ответил Кутузов, сходя с седла. — Право, устал сидеть на лошади. Принеси-ка, брат, соломки: старым костям отдохнуть хочется...

Семенов тотчас разостлал у костра плащ, и через две минуты походный диван из свежей соломы был готов. Главнокомандующий с видимым наслаждением опустился на него, грея у огня озябшие руки.

— Спасибо, братцы, спасибо! Лучше не надо! — приговаривал он. — Вот теперь буду спокоен. Надо, однако, поесть. Дай-ка, брат Сергей Семенов, сухарик да водицы...

— Ваше высокопревосходительство! Михайла Ларионыч! — возразил Семенов. — Годите немного. Сейчас каша сварится.

— Нет, брат Семенов, — не согласился Кутузов. — Дай полакомиться сухарьком: хлеб да вода — солдатская еда...

Когда солдаты насытились и Семенов, по обыкновению, проговорил, доскребывая ложкой дно котелка: «Эх, хороша артельная кашица!», главнокомандующий попросил любимца рассказать что-нибудь из прежней военной жизни. Тот не заставил повторить просьбу. Солдаты сдвинулись

теснее, жар от угольков и сытый желудок клонили в сон, однако побасенка всех взбудрила.

— Ах, ваше высокопревосходительство, Михайла Ларионыч! — начал унтер-офицер. — Сживали мы и у воды без хлеба, и у хлеба без воды. Все было! А помнится, в турецкую войну полк наш однажды оказался со всех сторон в окружении. Главная армия — на другом берегу Дуная. Ничем помочь не может. Только глядят солдатики, как мы последний бой принимаем!.. На каждого из нас — дюжина турок. А тут еще казак-некрасовец подскакал да кричит нам, чтобы, значит, сдавались и всех нас турки пощадят и еще наградят...

— Да ежели даже десяток молодцов русских атакован целым корпусом, — заметил Кутузов, — сдаться в плен — ужаснейшее преступление...

— Напротив, тут-то и раздолье! — подхватил Семенов-Чижик. — Здесь и пуле и штыку промах невозможен! Нельзя выгоднее и дороже продать жизнь, как в подобном случае. И можно ли встретить смерть веселее и славнее, когда уверен, что за порог воинственных дней своих утащишь с собой полдюжины супостатов! Умереть рано или поздно неизбежно. Но умереть так важно, знаменито — удел счастливых, только на небе написанный...

— Э, братец Семенов, да ты, видать, философ, — ввернул главнокомандующий, прижамутив здоровый глаз. — Между прочим, часто случается именно так. Горсть русских чудо-богатырей, решившись на верную смерть, улучшает благотворную минуту. И не только спасается, но побеждает!

— Вот-вот, Михайла Ларионыч! — торжественно продолжал Семенов. — Побеждает и начинает жить снова и с новой силой! У нас уже убыло больше половины солдат и почти все офицеры. Ружейный огонь был жесток. А конная лава отсекла нас от дунайского берега. Полковник наш, приметя уныние людей и слабость духа, соскочил с лошади. Он схватил у убитого солдата ружье, набросил на себя суму и сказал: «Друзья! Теперь я солдат, вам равный. Но солдат, всем старший. Кто желает умереть, как прилично герою, — учись у меня. Однако кого подлая трусость пробрала насквозь — сейчас выдь из фронта. Я не буду мстить ему ни здесь, ни за гробом! А теперь — за матушку-государыню и Россию нашу!» С этим вместе он бросился вперед...

Семенов-Чижик обвел солдат своими чистыми васильковыми глазами.

— Но шалишь, брат полковник! Не в голос запел! Русский солдат не в угол рожей создан. В

одно мгновение запылали сердца молодецкие, загремело «ура» богатырское. Русские штыки сверкнули, выкупались в крови врагов, указали путь к свободе. И русская грудь проломила, провалила, удивила своих и чужих! Мы прошли вверх по Дунаю и переправились к своим. Кто на захваченных у турчан лодках, а кто поудалее — и вплавь, держа в зубах ружья и сумы...

«Дунай... Верно, судьба мне нагадала, чтобы все главные войны мои были связаны с этой великой рекой. И скорее всего, эта война для меня последняя», — думал Кутузов, снова и снова повторяя в уме трудности, какие могут встретиться для его дружной, но маленькой армии. Только теперь впереди не Осман-паша, не комендант Измаила сераскир Мегмет-Айдзоле и даже не великий визирь Юсуф-паша, а сам Бонапарт...

Отрываясь от преследующих его мыслей, главнокомандующий сказал:

— Спасибо, брат Семенов! Слушайте, дети, его побасенки. Ведь быть честным человеком и дураку легко, если он слушает умные, спасительные советы.

Он вынул кошелек и, доставая деньги, добавил:

— Выпей, брат Семенов, с товарищами за здоровье старика...

К началу октября 1805 года авангард русской армии, перейдя баварскую границу, подошел к речке Иин и остановился у городка Браунау.

Здесь уже находился Кутузов, которого не покидало тяжелое предчувствие, мало-помалу вылившееся в ощущение свершившейся беды. Он имел только одно письмо, помеченное 28 сентября, от эрцгерцога Фердинанда, который извещал Михаила Илларионовича о том, что австрийская армия цела и исполнена мужества. А тем временем русский посланник в Баварии донес, что французы заняли Мюнхен, откуда он был принужден выехать. Хотя опрошенные Кутузовым австрийские чиновники ничего не знали о происходившем под Ульмом, было очевидно, что Наполеон уже стоял в дверях Баварии.

Главкомандующий приказал Багратиону составить авангард, имея передовые посты на Инне, и собрать сведения о французах. С этой целью отправлены были в разные стороны лазутчики и разъезды. Ежедневно Кутузову привозили самые разноречивые донесения: по одним — эрцгерцог Фердинанд отступил в Тироль, по другим — обратился на левый берег Дуная. Но все известия сходились на том, что под Ульмом произошла крупная неудача.

Скоро к Кутузову подошли неожиданные подкрепления. Явился отброшенный Наполеоном австрийский генерал Кинмайер с 18 тысячами солдат; вслед за ним прибыл, также отрезанный от Ульма, граф Ностиц с тремя батальонами кроатов и гусарским полком. Они ничего не могли сообщить о делах под Ульмом. Меж тем подтягивались к Браунау и русские задние колонны, конница и артиллерия, изнуренные усиленными маршами в ненастное время. Обувь изнашивалась, иные солдаты шли даже босиком; больных на пути было оставлено до шести тысяч...

Находившиеся в Браунау австрийские генералы, с которыми по воле венского двора Кутузов обязан был совещаться о своих действиях, уговаривали его идти вперед и овладеть Мюнхеном. Старший из них — Мерфельд представил наконец Михаилу Илларионовичу письменное мнение, почти требование, со стороны гофкригсрата: силой открыть сообщение с Ульмом. Кутузов ласково соглашался со всеми доводами и... не трогался с места. Он ожидал, пока прояснятся дела на главном направлении, покрытые совершенной неизвестностью.

Наконец 11 октября в Браунау явился генерал Мак с известием о капитуляции своей армии. Соединяться уже было не с кем. После труднейшего, тысячеверстного марша в рядах

русской армии оставалось всего 35 тысяч человек, а с присоединением австрийских частей Ностица и Кинмайера — чуть более 50 тысяч. А всего в пяти переходах находилась 150-тысячная армия Наполеона, готовая нанести сокрушительный удар по союзным войскам. Справа был многоводный Дунай, слева — высокие Альпы, а позади, до самой Вены, — никаких резервов; только далеко, у Варшавы, двигалась в Австрию 50-тысячная Волынская армия Буксгевдена¹.

5

В Браунау Кутузов приказал назначить к нему от каждого полка ординарца-офицера с одним унтер-офицером и рядовым в вестовые. От Ярославского прислан был Сергей Семенов.

Рано утром дежурный при главнокомандующем генерал-майор Инзов ввел офицеров и солдат в огромную аванзалу и выстроил в две шеренги. Скоро зала заполнилась генералами и штаб-офицерами, среди которых был и шеф ярославцев Леонтий Федорович Мальтиц.

---

¹ Буксгевден Федор Федорович (1750 — 1811) — генерал, командующий корпусом в кампании 1806 — 1807 гг. В шведской войне был главнокомандующим.

Позади строя оказалась маленькая дверца, вроде потайной. Внезапно оттуда вышел Кутузов, в теплом вигоневом сюртуке зеленоватого цвета и, по своему обыкновению, с шарфом через плечо.

Скромно пройдя вдоль стены к правому флангу, он сперва остановился у офицеров, разговаривая с некоторыми, а потом начал смотреть весь строй. Первым стоял унтер-офицер Московского мушкетерского полка в мундире со светло-малиновым воротником и обшлагами и красными погонами.

— Какой ты, дружок, губернии? — обратился к бравому москвичу Михаил Илларионович.

— Малороссийской, ваше
высокопревосходительство! — последовал ответ.

— Ба! Малороссиянин! — воскликнул Кутузов и, повернувшись к щеголеватому красавцу Милорадовичу, промолвил: — Благословенный край! Я провел там с корпусом мои лучшие годы. Люблю этот храбрый народ!..

Переступив во вторую шеренгу и пройдя ее, он узнал в ярославце с лиловым воротником своего любимца.

— Здравствуй, братец Семенов! Здравствуй, Чижик! А ведь я не знаю, из каких ты краев?

— Смоленский, ваше
высокопревосходительство! — весело гаркнул богатырь.

— То-то, что смоленский, — как бы ожидая именно этого ответа, довольным тоном сказал Михаил Илларионович. — Смоляне все просмолены, все окурены войнами. Самые надежные солдаты. — И добавил, кивнув маленькому и уже тучному Дохтурову: — Оставить при главной квартире...

Главнокомандующий каждому из ординарцев и вестовых нашел по несколько ласковых слов. Почти все они были уроженцами великорусских губерний, и о каждом он отозвался в различных выражениях и с искренней похвалой. Затем дежурный штаб-офицер вывел ординарцев и вестовых и указал им посты. Семенову надлежало находиться в коридоре, примыкающем к кабинету Кутузова. Обед шел со стола Михаила Илларионовича. В продолжение недели Сергей Чижик оставался при главнокомандующем, и не раз Иван Никитич Инзов требовал ярославца к Кутузову, который доверительно беседовал с ним.

Какими надеждами был преисполнен старый солдат все это время! Казалось, вот-вот будет отдан приказ идти на неприятеля. Но с 11 октября, когда в Браунау явился генерал Мак, положение русской армии угрожающе прояснилось. Правда, к удивлению всех австрийцев и даже русских генералов, Кутузов и после этого не оставлял

позиции сряду пять дней, пока вполне не обрисовалось движение Наполеона.

В ночь на 16 октября всех ординарцев и вестовых потребовали в аванзалу. Едва они стали в строй, вышел Кутузов, заметно гневный, в сопровождении всего генералитета. Обратясь к выстроившимся, он как бы с досадой приказал им вернуться в свои полки. Потом, вертя в руках золотую, с екатерининским вензелем табакерку, вразумляюще пояснил:

— Цесарцы не сумели дождаться нас. Они разбиты. Немногие из храбрых бегут к нам. А трусы положили оружие к ногам неприятеля. Наш долг отстоять и защитить несчастные остатки их разметанной армии. Скажите это и вашим товарищам!..

Он повернулся и пошел во внутренние покои. Следом за ним направились генералы. Предстоял ночной военный совет. Он был недолгим. В кабинете, за столом с картами, утвердившись в покойном кресле, главнокомандующий изучающе оглядел всех и коротко бросил:

— Итак, армии Мака нет. От пятидесяти тысяч цесарцев уцелело лишь десять батальонов. Что будем делать?

Генералы, иные из которых воевали вместе с Суворовым на полях Италии и в швейцарских горах, один за другим поднимались и предлагали,

несмотря на поражение австрийцев, идти вперед. Дохтуров, Багратион, Милорадович ² высказывались за немедленное наступление.

— Бонапарт будет застигнут врасплох. Мы можем разбить его по частям! — волнуясь, говорил Милорадович.

Кутузов слушал их спокойно, прикрыв глаза; только пальцы правой руки выбивали на столе тревогу. Когда все высказались, он кротко улыбнулся и заметил:

— Я ожидал только такого отзыва от русских героев. Ваше мужество порывает вас наступать, —

---

² Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756 — 1816) — генерал от инфантерии, участник русско-шведской войны 1788 — 1790 гг., был главнокомандующим в русско-турецкой войне в 1809 г. В Отечественной войне особенно отличился в сражении при Малоярославце. Багратион Петр Иванович (1765 — 1812) — князь, генерал от инфантерии, участник походов в Италию и Швейцарию с Суворовым, воин со Швецией, Францией, Турцией. В Отечественной войне командовал 2-й армией, при Бородине был смертельно ранен. Милорадович Михаил Андреевич (1771 — 1825) — генерал от инфантерии, участник войны с Турцией, был дежурным генералом в штабе у Суворова в его Итальянском и Швейцарском походах. В 1806 — 1812 гг. — командир корпуса. В Отечественной войне командовал авангардом при преследовании армии Наполеона.

он накрыл пухлой рукой карту на столе, — а мне осторожность отступить велит...

— Но Суворов поступил бы иначе! — не удержался Багратион, худощавый, рябоватый, с небрежно отпущенными бакенбардами и резко выдававшимся орлиным носом.

— Ваша правда! Это дело возможное, — тотчас возразил главнокомандующий. — Но только для Суворова. А Суворова у нас нет. Да и нас немного...

Он еще раз оглядел на карте вьющуюся с запада на восток синюю змейку Дуная и добавил:

— Лучше быть слишком осторожным, нежели оплошным и потом обманутым. Не забывайте, господа, что перед нами Бонапарт! У него сил вчетверо больше против нашего. Меж тем из России идет армия Буксгевдена, а из Италии — эрцгерцог Карл с большим корпусом. Сохранив войска, мы скоро удвоим наши силы и понудим французов растянуть коммуникации...

Кутузов медленно поднялся, заключив совет беспрекословным:

— Завтра поутру собрать армию у главной квартиры. Не хмурьтесь, господа, я приготовил вам сюрприз. Приглашаю всех к столу. Ужин, правда, более похож на ранний завтрак. Зато все в чисто русском вкусе. Будет студень из говяжьих ног, соленья с деревянным маслом, похлебка, жаркия и

другие теплые кушанья. А на закуску — варенные в сахаре дыни...

Всю свою жизнь Михаил Илларионович отличался перед прочими начальниками особенным щедролюбием, гостеприимством и хлебосольством — как в своем доме, так и везде, где только ни останавливался. Он никогда не кушивал один: чем более было за его столом людей, тем было для него приятней и тем был он веселее. В этом заключалась одна из причин, что Кутузов никогда не имел у себя большого богатства, да и не заботился об этом.

Теперь, перед трудной дорогой, он желал приободрить главных своих командиров богатой трапезой и веселой беседой.

6

Ранним октябрьским утром полки были выстроены под Браунау, фронтом к Ульму.

Прошел слух, что армия двинется на французов. Часа два солдаты простояли на месте все с той же мыслью, что пойдут на Ульм. Так толковали и сами жители, вышедшие из города провожать русских воинов. Но вот раздался выстрел вестовой пушки на площади перед главной квартирой, означавший сигнал выходить на шоссе. И тут, к удивлению горожан и самих солдат, армию поворотили в обратный поход левым флангом.

— Ба, ба! — заговорили в рядах. — Кажись, мы идем назад, ребята?

— Кажись, что так! — басил Мокеевич.

— Да и без проводников!

— Да к чему они? — возразил Семенов-Чижик. — Дорога-то знакома. Уж не зашел ли француз с тылу? Вишь, эти брудеры так шайками и бредут на попятную...

И он указал на нестройные толпы австрийцев в грязных белых мундирах, переходившие мост через Инн.

Поздно вечером вся армия пришла в городок Ламбах. В три дня усиленного марша русские проделали более ста верст и оставили французов, едва появившихся на реке Инн, далеко позади.

На этих переходах солдаты уже не находили заготовленного провианта, кроме небольшого количества соломы и дров. По деревням сами отыскивали кое-где хлеб и выкапывали из мерзлой земли картофель. Косо смотрели на них обыватели и бауэры, а у их жен русские уже не встречали прежних умильных взглядов. Прищуриив глаза и поджав губы, они провожали солдат как разлюбленных.

Марш до Ламбаха был совершен не только с необыкновенной быстротой, но и в самом строгом порядке. Наполеон не нашел ни одного отставшего, не смог раздобыть ни одного «языка».

Кутузов подолгу просиживал над картой и размышлял о намерениях Бонапарта.

Было ясно, что французский император уже послал в обход союзников несколько корпусов. Но что он предпримет еще? Не попытается ли теперь переправить часть сил на левый берег Дуная и отрезать русских? Однако где именно? Переправы неудобны, и дороги на левом берегу стеснены горами и узки. Может быть, у Линца? Или у Спица?..

Свеча истаявала и заменялась адъютантом Дишканцом новой. Зажмуривая глаза, Михаил Илларионович видел перед собой все ту же карту с мельчайшими подробностями рельефа, горными отрогами и холмами, речушками и ручейками, деревушками и отдельными трактирами, хорошей венской дорогой и дурными проселочными трактами.

После бурно проведенной юности Кутузов установил у себя раз и навсегда заведенный распорядок: ел однажды в сутки, ложился почивать не прежде одиннадцати, а вставал не ранее семи и не позднее восьми часов. Но это было в мирное время, а в дни войны Михаил Илларионович поступал совершенно иначе. Случалось, он

несколько ночей кряду проводил без сна, а особенно когда успех дела зависел от собственной его ответственности. В этих случаях полководец всю ночь рассуждал молча, про себя, и только приговаривал иногда:

— Так!.. Не так!..

Если же совершенно ослабевал, то засыпал сидя, но, проведя во сне самое краткое время, просыпался и, пробив себе пальцами сигнал тревоги, начинал вновь свои размышления.

Уже давно заметил он, что от непрерывного напряжения у него начал закрываться больной глаз. Два страшных сквозных ранения в левый висок с выходом пуль у правого глаза сделали опаснейший прорыв в самой близости от зрительных нервов. Однако чудом Кутузов не только выжил, но и сохранил зрение. Искосило лишь правый глаз. Только он непрерывно болел, веко опускалось, между ним и глазным яблоком вспыхивали радужные пятна, отдававшие ударом в затылке. Не помогали и шпанские мухи, которых он прикладывал к больному глазу по совету своего лекаря Малахова. Прочие доктора предлагали различные средства, но Михаил Илларионович был великий неохотник до лекарств и лечения, и потому все их настояния оставались тщетными.

В Ламбахе, где русская армия находилась двое суток, в очередном бдении над картой, Кутузов

решился передохнуть за французским романом. Благо бежавший от Бонапарта хозяин замка, где расположился главнокомандующий, оставил знатную библиотеку.

Наклонив канделябр, Михаил Илларионович читал рябившие названия на корешках из телячьей кожи: «История и занятная хроника маленького Жана де Сентрэ», «Астрея» д'Юрфе, «Комический роман» Скаррона, «Новая Элоиза» Руссо... Немецкий лечебник привлек его внимание. Листая плотные зеленовато-серые страницы, Кутузов набрел на описание мази для лечения глаз. Он тотчас послал Дишканца за Малаховым.

— Сделай-ка, друг мой, эту мазь, да поскорее, — попросил Кутузов.

Немецкого языка Малахов не знал, но все рецепты написаны были по-латыни, и он пришел в ужас:

— Ваше высокопревосходительство! Мазь не просто бесполезна. Судя по составным веществам, она вредна!..

— Голубчик! — недовольным тоном возразил Кутузов. — Ты, кажется, хочешь ослушаться приказания?

— Михайла Ларионович! Я страшусь, что вы после останетесь без глаза!

— Может, мазь очень сложна и ты не умеешь ее изготовить? — схитрил главнокомандующий.

— Да нет же! — с обстоятельностью сына дьячка, заработавшего образование собственным горбом, возразил Малахов. — Сделать ее, право, сущие пустяки. И я мог бы приготовить мазь за час...

— А раз так, то вот тебе и час, — щелкнул Михаил Илларионович крышкой золотого с музыкой брегета.

Куранты еще не успели сыграть час, как мазь была принесена. Кутузов сам сделал компресс. На другое утро, после небольшого отдыха, он почувствовал, что правый глаз закрылся вовсе.

— Где Малахов? — осведомился он у Дишканца.

Бедный лекарь не смел показываться перед главнокомандующим. Он прятался. На поиски его были посланы флигель-адъютант Тизенгаузен, штаб-ротмистр Паисий Кайсаров, князь Четвертинский, капитан Шнейдерс, подпоручик Бибииков. Наконец Малахова привели.

— Я предварял вас, что вы этим глазом ничего не будете видеть, — сказал он, едва войдя в комнату.

— Тем лучше, мой друг, — миролюбиво ответил Михаил Илларионович. — Я только ускорил то, что со временем последовало бы неминуемо. Вот тебе, голубчик, от меня брегет, чтобы ты на старика не сердился...

Кутузов имел доверенность к весьма немногим лицам из своего окружения. Но в важных обстоятельствах и на них совершенно не полагался, почему сам всегда осматривал все воинские работы, укрепления и батареи. Сам он присутствовал и при переходе войск горами, дефилями, при переправах через реки. Эта осторожность приносила свои плоды. Он разгадал уже замысел Наполеона — прижать русскую армию к правому берегу Дуная, окружить ее и уничтожить. Единственным выходом было поспешать на соединение с Буксгевденом, постоянно тревожа при этом превосходящие силы Наполеона и изматывая их.

Первое столкновение с неприятелем произошло на реке Траун, у Ламбаха, 19 октября. Надо было спасти от истребления четыре австрийских батальона, спешащих отойти под натиском Мюрата. Почти семь лет протекло со времени боев русских с французами в Северной Италии и на острове Корфу. Но тогда Мюрат и многие другие генералы находились с Бонапартом в Египте и до Ламбаха не были еще знакомы с русским воином.

Мариупольские и павлоградские гусары, венгры Кипмайера и отважные донцы раз за разом

атаковывали французский авангард. При каждом их ударе неприятель показывал тыл. Раздосадованный неудачным началом, Мюрат вводил в бой свежую конницу. Но и Багратион не оставался в долгу: гусары, казаки и конные орудия подполковника Ермолова искусно перемещались по местам побоища, как на маневрах, а гренадерские, егерские батальоны и Апшеронский полк, словно форты, стояли на опорных пунктах.

Тем временем, Кутузов торопился к переправе через Дунай. С малыми силами не было никакой возможности удерживаться против армии Наполеона. Даже если бы встречи с французами оканчивались всякий раз в пользу русских, то одни неизбежные потери в сражениях должны были привести отступающих к поражению. Малейшее замедление становилось пагубным; напротив, скорость, соединяя русских с идущими подкреплениями, только и могла вывести из губительного положения.

Уже несколько суток войска находились в беспрестанном движении. Ночлеги были слишком короткие, всегда в открытом поле, и редко проходили без тревог. Случалось даже целые ночи проводить под ружьем, без огня или на марше. Ни один из солдат до конца пути — Ольмюца — не расстегивал ни шинели, ни мундира. Вместо сапог носили вырезанные из цельного лоскута кожи и

стянутые по краям ремешком бахилки, или поршни, — и не только рядовые, но даже многие офицеры. Шинели были обожжены бивачными огнями и истреляны пулями, лица — грязные, небритые, в пороховой гари. Но каждый держался бодро. В строю находились солдаты, прослужившие по двадцать и более лет; никакие бедствия не могли потрясти их.

В стычках и арьергардных боях русские всегда брали верх над французами. Даже над кавалерией, хотя у любой нашей лошади во всю ширину седла имелось садно — рана от стертой кожи: некогда было просушивать им спины. Неприятель же находился в совершенно ином положении. Усталых лошадей он вовремя заменял свежими, не затруднялся отвозить раненых, отдыхал на привалах, получал фураж и добротную пищу. Запуганные французами обыватели старались угодить им во всем, чтобы только не озлобить. Приходилось поэтому частенько заглядывать в ранцы пленных, где кроме хлеба находили почти у каждого зажаренную птицу или лакомый кусок шпика. А у иных — бутылку виноградного вина или местной водки — ратафии.

Можно было представить голодного русского солдата, бьющегося грудь в грудь с пресыщенным, отдохнувшим французом. Тут уж было не до пардона!

Кутузов, как мог, старался поднять воинский дух и облегчить положение солдата. При движении войск он непременно останавливался на самом видном месте и встречал каждый полк идущим от сердца, ободряющим русским словом.

Он никогда ничего не предпринимал, не рассмотрев заблаговременно всех обстоятельств, которые могли бы за этим последовать. Многие полководцы наказывали сторожевые посты за ложные тревоги, напрасно беспокоящие армию. Михаил Илларионович, напротив, всегда отличал их и даже нередко награждал, говоря при этом:

— Предосторожность необходима во всех случаях! А более всего — в военное время. Тут малейшее упущение может погубить целую армию!..

Главкомандующий во все время похода почти никогда не раздевался, чтобы быть в ежеминутной готовности.

Когда армия проходила в Верхней Австрии богатое местечко, Кутузову донесли, что жители, желая задобрить французов, припрятали большое количество печеного хлеба в местном костеле. Времени на уговоры не было: неприятельский авангард наседали на полки Милорадовича. Войска меж тем уже три дня даже не нюхали хлеба. Михаил Илларионович не мешкая подъехал к костелу и приказал отбить дверь. Точно, хлеб был

найден, и в немалом количестве. Для раздачи по полкам потребовали приемщиков. Кутузов слез с лошади и сел на поданную скамью, у самой дороги.

Мимо него носили хлеб — кто в мешке, кто в поле. Одного из солдат Михаил Илларионович остановил. Он вынул из его полы продолговатый хлебец, разломил на куски и, разделив между окружающими генералами, ел свою порцию с отменным аппетитом.

— Спасибо немцам, — приговаривал он, — за их заботливость о наших врагах!..

23 октября русские перешли при городе Энсе реку того же имени, быстрою, как стрела. Маршал Мюрат весь день напирал на арьергард князя Багратиона, стремясь обойти и отрезать его от переправы. Не преуспев в своем намерении, он почти одновременно с Багратионом приблизился к реке, приказав овладеть мостом. В эти минуты павлоградские гусары спешили и под страшным картечным огнем зажгли мост со стороны отступающих. Французы бросились тушить пожар. Следивший за всеми действиями Кутузов обратился к отряду егерей:

— Егери! Вы — русские! Так сделайте то, что русским должно делать!..

С громким «ура» егери пролетели под картечными выстрелами сквозь огонь, штыками

прогнали французов и запалили мост с противоположного конца.

Выполняя волю австрийского императора, Кутузов должен был, заслонясь быстрой рекой, держаться и скрепя сердце выигрывать время. Для этого он отрядил корпус союзников под командованием графа Мерфельда занять переправу выше по течению Энса, у городка Штейер. Однако Наполеон очень скоро атаковал австрийцев, оттеснил их и овладел переправой. Теперь Кутузову приходилось не мешкая отступать, тем более что Мерфельд получил повеление гофкригсрата отделиться со своим отрядом от русских и двигаться к защите переправы у Вены. Таким образом, австрийцы оголили левое крыло армии, которой грозило быть припертой к Дунаю.

А Наполеон все усиливал натиск. Уже на другой день, как Кутузов покинул Энс, арьергард русских был стремительно атакован Мюратом у местечка Амштеттен. Нападение оказалось столь опасным, что Кутузов лично выехал к месту сражения. Багратион и Милорадович попеременно сталкивались с французами. Ни одно дело не обходилось без того, чтобы неприятель не отступил от наших в большом расстройстве. Французы подавались вперед единственно потому, что в планы русского главнокомандующего не входило удержать ту или иную позицию. Но где нужно было

убавить порывистый ход неприятеля, там всегда брали верх русские. Пока не Наполеон диктовал ход событий, а Кутузов навязывал ему свою тактику.

Ожесточенным сопротивлением своих войск русский главнокомандующий подавал Наполеону мнимую надежду на близость генерального сражения. Он желал ввести в заблуждение своего грозного противника, чтобы тот не мог угадать наверняка, стремится ли русская армия за Дунай или же отступает, как желали того австрийцы, в направлении Вены.

9

Выгодная позиция у Санкт-Пельтена, кажется, предоставляла возможность дожидаться на правом берегу Дуная армию Буксгевдена, которая вступила уже в Моравию. Так полагали русские генералы, когда Кутузов приказал построить войска в боевой порядок и отправил Инзова осмотреть предместное укрепление у Кремса. Согласно повелению императора Франца оно должно было быть готово еще двумя днями раньше.

Однако дежурный генерал сообщил, что австрийцы и не думали приниматься за дело. Одновременно разведка донесла о новой грозной опасности: целый корпус французов под

командованием маршала Мортье уже находился на левом берегу Дуная, всего в двух переходах от русской армии. Вот-вот должна была появиться конница Мюрата. А путь на Вену был занят корпусами Бернадота и Даву. Это напоминало мешок. Размышляя о случившемся, Кутузов в сопровождении Четвертинского неспешно ехал в походной карете вдоль биваков. Он приказал остановиться в расположении Московского мушкетерского полка. Полковник Сулима уже бежал к нему с рапортом.

— Не надо, Николай Семенович. Сейчас не до церемоний... — остановил его главнокомандующий и направился к группе офицеров, которые сушились у огня от октябрьских пронизывающих дождей.

— Сидите, сидите, господа! — с непритворной ласковостью и любезной простотой сказал он, подходя с их начальником к костру. — О чем, братцы, рассуждаете?

— Мы говорим, как бы поскорее подраться с французом! — смело отвечал капитан в забрызганной грязью по самый воротник шинели.

— Но ведь и так арьергард не знает покоя, — возразил Кутузов, усаживаясь на расстеленный ему плащ.

— Мы ждем, ваше высокопревосходительство, генеральной битвы! — возбужденно воскликнул молоденький подпоручик,

у которого усики над верхней губой торчали, словно куриные перышки.

— Ах, господа, господа! — ласково улыбаясь, укорил их Кутузов. — Вы говорите: вам хочется подраться, пора подраться... А для чего? Об этом, верно, вы толком и не подумали. Ужели вы сомневаетесь, будто начальник не знает и не размыслил прежде, что и когда делать! В наше время начальникам повиновались слепо. Мы не рассуждали, для чего нам приказывается, а старались прежде всего точно исполнить повеленное. Не забывайте, господа! Беспрекословное повиновение начальникам есть душа воинской службы. Не тот истинно храбр, кто по своему произволу мечется в опасности, а тот, кто неукоснительно повинуется!..

Он оглядел офицеров и заключил:

— Вы желаете драться? Так, именно так должны отвечать русские офицеры! И мы подеремся, но только не теперь. Если Бонапарт опередит нас хоть часом, мы будем отрезаны! Если прежде него поспеем к Кремсу, то победим! И потому — в поход!..

Барабаны ударили тревогу, запели трубы. Солдаты, многие из которых шли уже босиком или в самодельных опорках, беззлобно ворчали:

— Тьфу, пропасть! Неужто опять отступаем? Все назад да назад! Пора бы и остановиться...

— И вестимо, пора, — отвечал им унтер-офицер Сергей Семенов. — Да наш дедушка, вишь, выводит Бонапартию из ущелья. Французу лафа лески да пригорки, а вот кабы сизого голубя да на чистый простор!..

— Да ведь озорники-то не охочи на чистоту, — басисто подхватил Мокеевич. — Да-да. Куда как не любят московского штычка!..

Так, беседой с воинами, сдабривали они горькие прогулки. У русского солдата своя природная стратегия, свой такт, и часто очень верный, потому что сопряжен со стойкостью и боевой отвагой, против которой редко устоит самый твердый практик военного искусства. Кутузов глубоко ценил эти качества. Но он постиг и коварный замысел противника.

Напрасно австрийские генералы настаивали на том, чтобы войска держались на занятой позиции. Русская армия выскользнула из сетей, расставленных Наполеоном.

Арьергард шел по мосту уже под неприятельскими выстрелами. Последним на левый берег перешли пионеры, заложившие пороховую мину. Гнавшиеся за ними французские конные егеря были на середине моста, как вдруг он с ужасным треском содрогнулся и несколько десятков неприятельских тел вместе с лошадьми поднялись в воздух с осколками камней и

подъемной частью моста, обратившейся в мелкую щепу.

«Быстрое перемещение Кутузова на левый берег Дуная, — отмечает очевидец и участник этих событий, — изумило Наполеона и расстроило его планы. Цель его — разъединить и уничтожить русских — не состоялась. Самая надежда, что Мортье упредит нашу армию в Кремсе, не оправдала его ожиданий. Короче, все старания Бонапарта перехитрить Кутузова не удались. Тогда-то он убедился, что ведаться с русским полководцем будет для него труднее, чем с австрийскими».

10

Весь день 29 октября солдаты чистили ружья и оправляли кремни. При раздаче добавочных патронов Семенов сказал:

— Будет потеха! Французы перебрались на наш берег и теперь недалеко!..

Ярославцы радовались и отвечали своему унтер-офицеру:

— Пора, пора отколотить господ мусью порядком!..

В этот момент по всему стану разнеслось:

— Бугай! Сорвался с немецкой бойни!..

Как бы в предвестии близкой грозы, огромный бык ворвался в расположение Ярославского мушкетерского полка и принялся носиться, с ревом ломая шалаши. Незадачливый кашевар оказался на его пути и, окровавленный, был унесен на носилках, словно с поля боя. С пол часа мушкетеры гонялись за разбушевавшимся буяном и наконец уgomонили его жердями, выдранными из шалашей. Хозяева не стали требовать быка, и солдаты делили меж собой жирную говядину в утешение за то, что он переломал десятка с два ружей и разорил у иных походные жилища.

Еще не успели ярославцы полакомиться как следует вкусным варевом, когда совсем иное зрелище понудило их оставить котлы. Большой дорогой, пересекавшей шумное военное становище, двигалась процессия из соседнего женского монастыря. Около ста молоденьких послушниц в белых шерстяных плащах и голубых тафтяных шляпках с откинутыми розовыми вуалями медленно шли за распятием. Трое дородных монахов-бенедиктинцев открывали шествие. Еще несколько монахов шагали по обе стороны, как бы в роли патрулей охраняя монастырских воспитанниц.

Солдатам девушки показались сошедшими с небес кроткими ангелами. Все смолкло. Ни смачного словечка, ни тем более грязной шутки. Сама природа, казалось, приветствовала их

появление: расступились тучи, выглянуло такое редкое солнце, повеяло теплом и радостью.

— Добрый знак, дружище! — толкнул в бок Мокеевич Семенова.

— Верно! Это они служат панихиду по безбожнику-французу, — отвечивал тот.

Юные монахини бросали на солдат участливые взгляды, в которых угадывалось любопытство и отсутствие страха. Появившийся Дохтуров, маленький, невзрачный, но всегда исполненный мужества, приказал полковым начальникам готовиться к походу.

Вечеру егерский, Московский и Ярославский мушкетерские полки расположились в Кремсе, на обширных площадях, примыкавших к Дунаю. Левый берег реки был уставлен батареями, которые время от времени пускали ядра по французам. Тотчас начиналась ответная канонада, впрочем не приносившая русским никакого урона. Мушкетеры и егери простояли так, вокруг разложенных огней, далеко за полночь. Напоследок прибежал дежурный генерал при Кутузове Инзов и потребовал Дохтурова к главнокомандующему. Воротясь через полчаса, Дмитрий Сергеевич велел полкам становиться в ружье.

У длинной каменной ограды солдаты пошереножно сложили ранцы и расставили часовых. После этого колонна потянулась из

Кремса и сразу же очутилась среди гор и пропастей. Ночь была темная, падал мелкий дождь. Куда вели солдат, не знал никто.

— Ну что тут догадываться, — басил Мокеевич, накануне подшивший к прохудившимся вовсе сапогам куски сырой кожи от занесшегося к ним быка. — Разумеется, идем не к фраве на печь, а для свидания с басурманом. Он, чать, не думает, как нагрянем к нему на фриштык!³..

Уже более часа егеря, московцы и ярославцы находились в пути, но беспрестанно останавливались. Видно было, что австрийские вожатые нетвердо знали местность и завели наконец русских в такую тущобу, из которой с трудом вылезла одна пехота. Под непрекращающимся дождем, поминутно скользя и срываясь, солдаты беззлобно шутили, не выполняют ли цесарцы тайное повеление Бонапартия — увести полки подальше от битвы. Старики вспоминали теснины Швейцарского похода и бессмертного Суворова.

Хуже всего пришлось коннице и артиллерии. После долгих и безуспешных попыток провести лошадей и орудия по крутизнам их остановили и воротили назад. Одну лишь верховую лошадь

---

³ На фриштык — на завтрак (от нем. Friihstuck).

любимого командира — Дохтурова солдаты подняли на руки и переносили с утеса на утес.

Скоро рассвело, и с левой стороны, от Кремса, слышались пушечные выстрелы. Тогда все догадались, что отряд идет в обход французов. Но чем далее, тем труднее становились проходы. Пропасти и глубокие ручьи заставляли принимать далеко в сторону. А время убегало. Это ужасно сердило всех — от генерала и до последнего мушкетера. Немецких вожатых громко проклинали. А между тем раздались ружейные выстрелы, и, казалось, не в дальнем расстоянии. Но отряд Дохтурова кружился, как в западне, и было уже за полдень...

Еще с утра 30 октября авангард Милорадовича, расположенный вне города, подле женского католического монастыря, двинулся навстречу французам. Завязалась перестрелка между передовыми цепями. И грянул Кремский бой!

Неприятель усиливал свои атаки, подкрепляя силы свежими войсками, которые переправлялись через Дунай в самом близком расстоянии. Уже большая часть офицеров в авангарде выбыла из строя; солдаты, бросавшиеся в штыки, опрокидывали французов и гибли сами. Был момент, когда русская линия дрогнула.

Кутузов, внимательно следивший за боем, тотчас прислал флигель-адъютанта Тизенгаузена с новыми приказаниями. Милорадович вверил Тизенгаузену свежий гренадерский батальон апшеронцев, которые обратили в бегство французскую колонну, наступавшую по шоссе. Левый фланг был укреплен. Милорадович приказал Тизенгаузену идти вправо, в горы, чтобы привести в порядок рассеянных там стрелков. Михаил Илларионович, узнав, что в авангарде почти не осталось офицеров, послал в огонь своих адъютантов — подпоручика Бибикова, штабс-ротмистра Кайсарова, капитана Шнейдерса. Вместе с вызвавшимися охотниками они под командой Тизенгаузена сбили неприятеля с горы, господствовавшей над местностью, и заняли прежнюю позицию.

Маршал Мортье сильно напирал на отряд Милорадовича, убежденный, что русская армия отступает. Но к вечеру он с ужасом убедился, что имеет дело не со слабым арьергардом, а с самим Кутузовым. Уже в сумерки Дохтуров спустился с гор и занял Дюрнштейн, город и крепость, запиравшую в ущелье единственную дорогу между Кремсом и Спицем.

Егеря генерал-майора Уланиуса захватили замок врасплох. Два орудия, стоявшие на лицевой стороне башни, взяты были в несколько минут.

Французы, никак не ожидавшие появления с горной стороны русских, беспечно бражничали. Спьяну они едва успели впотьмах выстрелить картечью и бросились по единственной тесной улице. Картечь поразила австрийского генерала Шмидта, который руководил действиями колонновожатых и обещал Кутузову легкую дорогу для захода французам в тыл.

Русский главнокомандующий между тем ожидал появления Дохтурова у Дюрнштейна гораздо ранее. Но по милости цесарских проводников наша пехота подошла туда только в пятом часу пополудни. Едва русские вырвались из вертепов Моравских гор, как Дохтурову донесли, что дивизия генерала Дюпона движется со стороны Спица ему в тыл и уже недалеко. Дмитрий Сергеевич немедленно приказал небольшому отряду князя Урусова задержать французов.

Битва тем временем разгоралась в полной тьме с невероятным ожесточением. Противные линии, различаемые по одним вспышкам от выстрелов, двигались на очень узком пространстве: с одной стороны бурный Дунай, с другой — стремнистые скалы не позволили растягивать войска. Милорадович теснил Мортье прочь от Кремса; Дохтуров с Московским и Ярославским полками и егерями Уланиуса прошел Дюрнштейн и, уничтожив вне его стен неприятельских драгун,

встретил солдат отступающего маршала беглым огнем и штыками.

Когда Мортье понял, что обратный выход из ущелья перекрыт русскими, он спешно созвал на совет генералов и полковников. Полагая плен неизбежным, те советовали маршалу переехать в лодке на правый берег Дуная и тем избежать позора. Мортье отверг их предложение, предпочитая долгом разделить участь предводимых им войск. Но в эти часы в Дюрнштейне, позади отряда Дохтурова, уже кипела жестокая сеча. Князь Урусов с Вятским полком и несколькими батальонами егерей силился остановить дивизию Дюпона, которая стремилась на выручку к маршалу.

Так продолжалось почти до полуночи. Дивизия Газана и отряд Дохтурова, очутившись между двух огней, бились насмерть. Казалось, не было возможности уцелеть, и отчаяние удваивало взаимную храбрость. Однако под конец наша взяла! Дивизия Газана, расстроенная действиями Московского и Ярославского полков, надвинута была на главные силы Милорадовича. Егеря Уланиуса рассыпались по утесам над самым неприятелем и без промаха поражали его. В расположении оборонявшихся французов оказалось с десятков больших и ветхих сараев. Егеря зажгли

их, чтобы вернее различать врага. Старые строения запылали ярко и осветили страшное зрелище.

Наполеоновские солдаты отбивались нестройными толпами, зажатые между Московским полком и войсками Милорадовича. Ярославцы, соединясь с апшеронцами, громили неприятеля на берегу Дуная. А застрельщики Уланиуса, нависшие над всеми, метко стреляли из-за камней.

Сергей Семенов, разгоряченный продолжительной ночной схваткой, работал штыком, словно вилами. Лишь хрипы в ночи указывали на то, что его богатырская рука не ведает промаха. Но вот, настигнув очередного сине-кафтанника, которого унтер-офицер пригвоздил к большому камню, он почувствовал хруст металла. Штык не выдержал там, где выдерживал русский солдат! Семенов ухватил ружье за дуло и принялся дубасить неприятеля прикладом. Он не чувствовал боли от двух штыковых уколов, вызвавших обильную кровь. «Ах, озорники! Что затеяли! Запереть нас тут, в чужой земле!» — шептал он.

В отблеске пожаров заметил он у самой дунайской воды кучку сражающихся. Три дюжих французских гренадера, желая пробиться к лодке, наседали на двух егерей, и вот уже один из них пал от штыкового удара. Только тогда Семенов разглядел, что это Пашка, веснушчатый

новобранец. А кто же второй? Унтер-офицер, прокладывая путь прикладом, зычно кричал ему:

— Браток! Держись!..

Он был уже рядом. Рухнул красавец гренадер с золотым императорским орлом на кивере; двое кинулись прочь по берегу. Теперь Семенов узнал в солдате своего дружка Мокеевича. Старик едва держался на ногах и мог лишь сказать приятелю:

— Видать, еще не срок мне помереть...

Пощады в этом бою не было: все соделалось жертвою штыка. Победа русских была полной. И если кто и ускользнул из дивизии Газана до зажжения сараев, то был обязан тому ночному мраку, еще более усилившемуся от скопления дождевых туч. Мортье впотьмах удалось с горсткой храбрецов прорваться к Дюпону, после чего он бегом отступил к Спицу и переправился назад через Дунай. Около двух тысяч пленных, в том числе генерал Грендорж, были обязаны жизнью Дохтурову, который одним начальственным словом остановил ярость московцев и прекратил бесполезное уже истребление неприятеля.

Наполеон, в бессильной злобе взиравший с правого берега Дуная на это сражение, назвал его «воловьей бойней».

Когда кончилось кровопролитие, у солдат начался обычный торг. Многие носили богатые пистолеты, палаши, предлагая неприятельских

лошадей, которых было взято едва ли не три полных эскадрона. Оценка коня с седлом и вьюком была скорая — пять австрийских гульденов или рубль серебром за каждого. За немногих только получали по червонцу. Некоторые хвастались чередами с золотом — узкими кошельками в виде пояса, отвязанными у пленных. Захваченных французов разделили на шесть партий и отправили в Кремс.

Войска триумфально возвращались в город под восторженные крики жителей, толпившихся у дороги:

— Bravo, Русь! Bravo!..

На главной улице Кремса, у городской ратуши, в окружении генералов стоял Кутузов. Он благодарил каждый проходящий полк.

— Спасибо, русские чудо-богатыри! Спасибо, победители! — приветствовал Михаил Илларионович ярославцев.

— То-то, батюшка наш! Не посрамили тебя! — кричали ему из рядов.

Перед взводами Московского мушкетерского полка везли отбитые у неприятеля пять орудий и несли отнятые у него знамена и штандарты. Полковник Сулима приказал положить их на барабан перед Кутузовым. Тот, прижамуривая здоровый глаз, махал рукой в белой перчатке и говорил солдатам:

